

Владимир Железников. Девушка в военном

Почти целая неделя прошла для меня благополучно, но в субботу я получил сразу две двойки: по русскому и по арифметике.

Когда я пришел домой, мама спросила:

— Ну как, вызывали тебя сегодня?

— Нет, не вызывали, — соврал я. — Последнее время меня что-то совсем не вызывают.

А в воскресенье утром все открылось. Мама влезла в мой портфель, взяла дневник и увидела двойки.

— Юрий, — сказала она. — Что это значит?

— Это случайно, — ответил я. — Учительница вызвала меня на последнем уроке, когда почти уже началось воскресенье...

— Ты просто врун! — сердито сказала мама.

А тут еще папа ушел к своему приятелю и долго не возвращался. А мама ждала его, и настроение у нее было совсем плохое. Я сидел в своей комнате и не знал, что мне делать. Вдруг вошла мама, одетая по-праздничному, и сказала:

— Когда придет папа, покорми его обедом.

— А ты скоро вернешься?

— Не знаю.

Мама ушла, а я тяжело вздохнул и достал учебник по арифметике. Но не успел я раскрыть его, как кто-то позвонил.

Я думал, что пришел наконец папа. Но на пороге стоял высокий широкоплечий незнакомый мужчина.

— Здесь живет Нина Васильевна? — спросил он.

— Здесь, — ответил я. — Только мамы нет дома.

— Разреши подождать? — Он протянул мне руку: — Сухов, товарищ твоей мамы.

Сухов прошел в комнату, сильно припадая на правую ногу.

— Жалко, Нины нет, — сказал Сухов. — Как она выглядит? Все такая же?

Мне было непривычно, что чужой человек называл маму Ниной и спрашивал, такая же она или нет. А какая она еще может быть?

Мы помолчали.

— А я ей фотокарточку привез. Давно обещал, а привез только сейчас. Сухов полез в карман.

На фотографии стояла девушка в военном костюме: в солдатских сапогах, в гимнастерке и юбке, но без оружия.

— Старший сержант, — сказал я.

— Да. Старший сержант медицинской службы. Не приходилось встречаться?

— Нет. Первый раз вижу.

— Вот как? — удивился Сухов. — А это, брат ты мой, не простой человек. Если бы не она, не сидеть бы мне сейчас с тобой...

Мы молчали уже минут десять, и я чувствовал себя неудобно. Я заметил, что взрослые всегда предлагают чаю, когда им нечего говорить. Я сказал:

— Чаю не хотите?

— Чаю? Нет. Лучше я тебе расскажу одну историю. Тебе полезно ее знать.

— Про эту девушку? — догадался я.

— Да. Про эту девушку. — И Сухов начал рассказывать: — Это было на войне. Меня тяжело ранили в ногу и в живот. Когда ранят в живот, это особенно больно. Даже пошевелинуться страшно. Меня вытащили с поля боя и в автобусе повезли в госпиталь.

А тут враг стал бомбить дорогу. На передней машине ранили шофера, и все машины остановились. Когда фашистские самолеты улетели, в автобус влезла вот эта самая девушка, — Сухов показал на фотографию, — и сказала: «Товарищи, выходите из машины».

Все раненые поднялись на ноги и стали выходить, помогая друг другу, торопясь, потому что где-то недалеко уже слышен был рокот возвращающихся бомбардировщиков.

Один я остался лежать на нижней подвесной койке.

«А вы что лежите? Вставайте сейчас же! — сказала она. — Слышите, вражеские бомбардировщики возвращаются!»

«Вы что, не видите? Я тяжело ранен и не могу встать, — ответил я. — Идите-ка вы сами побыстрее отсюда».

И тут снова началась бомбежка. Бомбили особыми бомбами, с сиреной. Я закрыл глаза и натянул на голову одеяло, чтобы не поранили оконные стекла автобуса, которые от взрывов разлетались вдребезги. В конце концов взрывной волной автобус опрокинуло набок и меня чем-то тяжелым ударило по плечу. В ту же секунду вой падающих бомб и разрывы прекратились.

«Вам очень больно?» — услышал я и открыл глаза.

Передо мной на корточках сидела девушка.

«Нашего шофера убили, — сказала она. — Надо нам выбираться. Говорят, фашисты прорвали фронт. Все уже ушли пешком. Только мы остались».

Она вытащила меня из машины и положила на траву. Встала и посмотрела вокруг.

«Никого?» — спросил я.

«Никого, — ответила она. Затем легла рядом, лицом вниз. — Теперь попробуйте повернуться на бок».

Я повернулся, и меня сильно затошнило от боли в животе.

«Ложитесь снова на спину», — сказала девушка.

Я повернулся, и моя спина плотно легла на ее спину. Мне казалось, что она не сможет даже тронуться с места, но она медленно поползла вперед, неся на себе меня.

«Устала, — сказала она. Девушка встала и снова оглянулась. — Никого, как в пустыне».

В это время из-за леса вынырнул самолет, пролетел бреющим над нами и дал очередь. Я увидел серую струйку пыли от пуль еще метров за десять от нас. Она прошла выше моей головы.

«Бегите! — крикнул я. — Он сейчас развернется».

Самолет снова шел на нас. Девушка упала. Фьють, фьють, фьють просвистело снова рядом с нами. Девушка приподняла голову, но я сказал:

«Не шевелитесь! Пусть думает, что он нас убил».

Фашист летел прямо надо мной. Я закрыл глаза. Боялся, что он увидит, что у меня открыты глаза. Только оставил маленькую щелочку в одном глазу.

Фашист развернулся на одно крыло. Дал еще одну очередь, снова промазал и улетел.

«Улетел, — сказал я. — Мазила».

Потом девушка потащила меня дальше. Когда она меня дотащила до железнодорожной станции, было уже темно. Мы ползли десять часов.

- Вот, брат, какие бывают девушки, — сказал Сухов. — Один раненый сфотографировал ее для меня на память. И мы разъехались. Я — в тыл, она обратно на фронт.

Я взял фотографию и стал смотреть. И вдруг узнал в этой девушке в военном костюме мою маму: мамины глаза, мамин нос. Только мама была не такой, как сейчас, а совсем девчонкой.

— Это мама? — спросил я. — Это моя мама спасла вас?

— Вот именно, — ответил Сухов. — Твоя мама.

Тут вернулся папа и перебил наш разговор.

— Нина! Нина! — закричал папа из прихожей. Он любил, когда мама его встречала.

- Мама нет дома, — сказал я.
- А где же она?
- Не знаю, ушла куда-то.
- Странно, — сказал папа. — Выходит, я зря торопился.
- А маму ждет фронтовой товарищ, — сказал я.

Папа прошел в комнату. Сухов тяжело поднялся ему навстречу. Они внимательно посмотрели друг на друга и пожали руки. Сели, помолчали.

— А товарищ Сухов рассказывал мне, как они с мамой были на фронте.

— Да? — Папа посмотрел на Сухова. — Жалко, Нины нет. Сейчас бы обедом накормила.

— Обед ерунда, — ответил Сухов. — А что Нины нет, жалко.

Разговор у папы с Суховым почему-то не получался. Сухов скоро поднялся и ушел, пообещав зайти в другой раз.

- Ты будешь обедать? — спросил я папу. — Мама велела обедать, она придет не скоро.

— Не буду я обедать без мамы, — рассердился папа. — Могла бы в воскресенье посидеть дома!

Я повернулся и ушел в другую комнату. Минут через десять папа пришел ко мне.

— Юрка, — голос у папы был виноватый, — как ты думаешь, куда пошла мама?

— Не знаю. Оделась по-праздничному и ушла. Может быть, в театр, — сказал я, — или устраиваться на работу. Она давно говорила, что ей надоело сидеть дома и ухаживать за нами. Все равно мы этого не ценим.

— Чепуха, — сказал папа. — Во-первых, в театре в это время спектаклей нет. А во-вторых, в воскресенье не устраиваются на работу. И потом, она бы меня предупредила.

— А вот и не предупредила, — ответил я.

После этого я взял со стола мамину фотографию, которую оставил Сухов, и стал на нее смотреть.

— Так-так, по-праздничному, — грустно повторил папа. — Что у тебя за фотография? — спросил он. — Да ведь это мама!

— Вот именно, мама. Это товарищ Сухов оставил. Мама его из-под бомбежки вытащила.

— Сухова? Наша мама? — Папа пожал плечами. — Но ведь он в два раза выше мамы и в три раза тяжелее.

— Мне сам Сухов сказал. — И я повторил папе историю этой маминой фотографии.

— Да, Юрка, замечательная у нас мама. А мы с тобой этого не ценим.

— Я ценю, — сказал я. — Только иногда у меня так бывает...

— Выходит, я не ценю? — спросил папа.

— Нет, ты тоже ценишь, — сказал я. — Только у тебя тоже иногда бывает...

Папа походил по комнатам, несколько раз открывал входную дверь и прислушивался, не возвращается ли мама.

Потом он снова взял фотографию, перевернул и прочел вслух:

— «Дорогому сержанту медицинской службы в день ее рождения. От однополчанина Андрея Сухова». Постой-постой, — сказал папа. — Какое сегодня число?

— Двадцать первое!

— Двадцать первое! День маминого рождения. Этого еще не хватало! — Папа схватился за голову. — Как же «я забыл? А она, конечно, обиделась и ушла. И ты хорош — тоже забыл!

— Я две двойки получил. Она со мной не разговаривает.

— Хороший подарок! Мы просто с тобой свиньи, — сказал папа. Знаешь что, сходи в магазин и купи маме торт.

Но по дороге в магазин, пробегая мимо нашего сквера, я увидел маму. Она сидела на скамейке под развесистой липой и разговаривала с какой-то старухой.

Я сразу догадался, что мама никуда не уходила. Она просто обиделась на папу и на меня за свой день рождения и ушла.

Я прибежал домой и закричал:

— Папа, я видел маму! Она сидит в нашем сквере и разговаривает с незнакомой старухой.

— А ты не ошибся? — сказал папа. — Живо тащи бритву, я буду бриться. Достань мой новый костюм и вычисти ботинки. Как бы она не ушла, волновался папа.

— Конечно, — ответил я. — А ты сел бриться.

— Что же, по-твоему, я должен идти небритым? — Папа махнул рукой. — Ничего ты не понимаешь.

Я тоже взял и надел новую куртку, которую мама не разрешала мне еще носить.

— Юрка! — закричал папа. — Ты не видел, на улице цветы не продают?

— Не видел, — ответил я.

— Удивительно, — сказал папа, — ты никогда ничего не замечаешь.

Странно получается у папы: я нашел маму и я же ничего не замечаю.

Наконец мы вышли. Папа зашагал так быстро, что мне пришлось бежать.

Так мы шли до самого сквера. Но, когда папа увидел маму, он сразу замедлил шаг.

— Ты знаешь, Юрка, — сказал папа, — я почему-то волнуюсь и чувствую себя виноватым.

— А чего волноваться, — ответил я. — Попросим у мамы прощения, и все.

— Как у тебя все просто. — Папа глубоко вздохнул, точно собирался поднять какую-то тяжесть, и сказал: — Ну, вперед!

Мы вошли в сквер, шагая нога в ногу. Мы подошли к нашей маме.

Она подняла глаза и сказала:

— Ну вот, наконец-то.

Старуха, которая сидела с мамой, посмотрела на нас, и мама добавила:

— Это мои мужчины.